

обусловленная определенными параллелями с учено-дидактической поэзией, «Вечернему размышлению...» все-таки присуща. Впрочем, она не выводит ломоносовскую оду из жанрового контекста. Описать семантику этого контекста очень трудно. Легче и, возможно, продуктивнее определить его пафос, свойственный ему — как созданному одой — восторг: преклонение перед величием Божиим и восхищение им, попытка приблизиться к Творцу и признать «Божественное всемогущество по мере себе дарованного понятия». ²⁹ И одновременно — ощущение присутствия Божественной воли в собственной жизни, некоей личной связи человека со своим Создателем — последние два момента особенно явственны в Псалтыри, что и сделало псалмы важнейшей составляющей христианской духовной жизни и соответственно культуры и определило крайне пристальный интерес к ним со стороны раннего протестантизма, как раз и выдвигавшего на первый план личностный диалог человека с Богом. Характеризуя «богословскую» оду, Л. В. Пумпянский замечал, что «она не есть факт религии самой, а апология», ³⁰ при этом не апология в смысле защиты, но апология как восхваление. В том же духе определяет духовную оду и Н. Ю. Алексеева, говоря о прославлении Бога как о ее важнейшей цели. ³¹ Подобный контекст — и своим содержательным, и своим эмоционально-оценочным компонентами — играет в поэтическом смыслопорождении «Вечернего размышления...» роль, подобную рассмотренным выше внутритекстовым стратегиям: он способствует размыванию логической четкости, переходу от ясности и однозначности к сложности и полисемантичности.

Кроме описанного только что жанрового контекста «Вечернее размышление...» связано и с контекстом другого типа — «Кратким руководством к красноречию...», в составе которого оно и было, как уже отмечалось, впервые опубликовано — и именно как пример энтимемы. Данный метариторический контекст также оказывается противоположным той четкой и простой идее, которую текст оды, казалось бы, иллюстрирует. Принципиально важными являются разделы, окружающие § 270, основную часть которого составляет «Вечернее размышление...». В § 268, приводя неполный силлогизм, то есть энтимему, — «Я поставил знак бессмертной своей славы: затем что первой сочинял в Италии оды, какие писал Алцей Еольский стихотворец: того ради должна моя муза себя лавровым венком увенчать», ³² — поэт подтверждает ее переводом знаменитой оды Горация (ода 30 кн. III «Egegi monumentum»), один из важнейших смыслов которой заключается в гармоническом и полном примире-

²⁹ Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце... С. 336.

³⁰ Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма. С. 65.

³¹ Алексеева Н. Ю. Ода // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 2. С. 44.

³² Ломоносов М. В. Сочинения. Т. 3. С. 290.